

Павел Барчук Павел Ларин

Drak Art

СМЕРШ

— 1945 —

СМЕРШ (Барчук, Ларин)

Павел Барчук

СМЕРШ – 1945. Книга восьмая

«автор »

2026

Барчук П.

СМЕРШ – 1945. Книга восьмая / П. Барчук — «автор »,
2026 — (СМЕРШ (Барчук, Ларин))

Я не планировал умирать. Так вышло. Теперь я не майор уголовного розыска в 2025 году, а оперативник СМЕРШ. Враг, за которым гонялся по Курской земле, уничтожен. Его подручные тоже приказали долго жить. Остался последний этап и последний год войны. Впереди меня ждут Берлин, чертежи Крестовского и Победа.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Павел Барчук, Павел Ларин

Смерш – 1945

Глава 1

Бумага горела плохо, это было видно издалека, даже несмотря на серую хмарь раннего утра.

Плотно уложенная в короб, она тлела по краям и обугливалась, выпуская жирный чёрный дым. Немцы сами видели, что документы упорно не желают заниматься полноценным огнем, поэтому не жгли их пачками. Двое солдат у откинутой двери вагона рвали папки с архивами и секретным донесениями на четвертины, а потом кидали их в огонь, разведенный в большой металлической бочке. Работали спокойно, размеренно, как истопники.

Где-то далеко за спиной глухо работала наша артиллерия. Долбили по западному берегу, километрах в двух в стороне от переправы. Но эти двое вообще не реагировали на звуки взрывов.

Упертые. Хреново. Реально понимают, что документы должны быть уничтожены, а значит бодаться будут до последнего.

Я мысленно матернулся. На дворе девятнадцатое марта сорок пятого года. До Победы – рукой подать. До Берлина – тоже. А мы зависли в Альтдамме. Последний немецкий кусок восточного берега, который фрицы держат зубами почти неделю, и который сегодня к вечеру перестанет существовать.

Ветер тянул с поля в сторону воды, гнал по насыпи горелые клочья. Они цеплялись за щебень, за шпалы, за колючку.

Эшелон, за которым я наблюдал из укрытия, стоял неподвижно. Потому что двигаться ему некуда. Восемь товарных вагонов превратились в мертвый груз. Дальше – мост. Единственный, который ещё работал.

С насыпи его было видно хорошо. Шоссейную переправу разбили в начале месяца, и немецкие сапёры зашили железнодорожный мост досками прямо поверх шпал, чтобы пустить по нему технику. Теперь от самого въезда тянулась сплошная пробка. Тягачи, повозки, санитарные фургоны, между ними вперемешку пробивались военные и гражданские с узлами.

На той стороне работала полевая жандармерия – пускала порциями, по очереди. Сначала боевые части, потом раненых, потом всех остальных.

Судьба этих восьми вагонов на самом деле была предрешена. Пока на рельсах лежит настил, ни один состав туда не пройдёт. А снимать доски никто не станет – по ним движется техника и остатки армии. Гражданские здесь даже не учитываются.

Эшелон, набитый секретной документацией под завязку, встал намертво. Фрицы это прекрасно понимали, поэтому и начали жечь папки. Слава богу, что не подпалили все вагоны целиком. Надеялись все-таки переправиться на тот берег. Ждали открытия моста для поездов.

В любом случае желание фрицев уничтожить бумаги нас совсем не устраивало. «Нас» – это контрразведку 1-го Белорусского фронта вообще, генерал-лейтенанта Вадиса в частности и конкретно меня с Карасевым. Потому как наша задача была предельно простой – захватить все бумаги, лежащие в этом чертовом эшелоне.

Вадиса мы знали еще по Центральному фронту, Свободе и 1943 году. Поэтом, когда он сказал, что документы должны попасть в руки СМЕРШа целыми, ни у меня, ни у Мишки не возникло сомнений – приказ не выполним, нам оторвут голову. Пока что с «целым» выходило хреново. Какую-то часть фрицы успели сжечь.

– Соколов, – Карась вжался плечом в бетонный обломок рядом со мной. – Считай, сколько фрицев в поезде.

– Уже посчитал, капитан. Двое у второго вагона. Один на насыпи, у сцепки, при карабине. Пулемёт в проёме шестого.

– Точно пулемёт? – переспросил Мишка.

– Сошки видел. Точно. Странно, что их так мало. Но больше не наблюдаю людей.

Капитан цыкнул сквозь зубы. Расклад на первый взгляд казался неплохим, но сильно мешал пулемет.

Слева от меня и Карася, за грудой шпал, лежал Лёня Зотов. Третий член нашей группы. Лежал ровно так, как ему было сказано, – не высовываясь, развернув ствол к голове состава. Полчаса назад мы вышли сюда вместе со штурмовой группой сто пятидесятой. Доползли до путей, теперь вот лежим. Мы чуть впереди, штурмовая группа рядом, за водокачкой. Они ждут нашей отмашки, чтобы начать свою работу.

За эти полчаса лейтенант Зотов не сказал ни слова, не задал ни одного вопроса.

Меня это нервировало. Он с нами уже два месяца, а я никак не могу к нему привыкнуть. Бесит. Сильнее, чем Светлов в своё время. Хотя комсомолец бесил скорее Мишку. Я на него смотрел как на дурачка-идеалиста. Пока не выяснилось, кем Светлов является на самом деле. Тут большой вопрос, кто тогда был дурачком.

– Ротный где? – не поворачиваясь, спросил Карась.

– За водокачкой, как и решили. Все двадцать человек с ним, – отозвался Зотов.

Голос у лейтенанта был ровный, будто он время сообщал – в Петропавловске-Камчатском полночь. В Гадюкино опять идут дожди.

– Он даст залп по шестому и по головному, – добавил Леонид. – Больше ничем не поможет, ему переезд брать приказано. Задержался из-за нас. Как мы свое начнем, он пойдет дальше.

– Уже хлеб, – кивнул Карасев.

Затем достал монету, крутанул её между пальцев. Один раз, второй. Убрал обратно в карман.

Плохой знак. Значит, капитану тоже что-то сильно не нравится. И дело не только в пулемете.

Хотя пулемет, чего уж скрывать, серьезная проблема. Из-за него и тормозимся.

Шестьдесят метров открытой насыпи. Щебень, шпалы, ни одного укрытия выше колена. Пулемет будет держат нас на дистанции, пока фрицы не сожгут все самое важное и не свалят по-английски, не прощаясь.

Я снова уставился на двух солдат, сжигающих бумаги в бочке. Что-то зацепило меня на внутреннем уровне.

Первый рвал всё подряд – цапнул, дёрнул, кинул. Второй, перед тем, как рвать, смотрел. Брал папку, разворачивал, скользил взглядом по первому листу и только потом отправлял в утиль. Некоторые откладывал в сторону, себе под ноги.

Сортирует.

Ну точно. Фрицы не поставили на составе крест. Будь оно так, плеснули бы горючки и ушли – восемь вагонов выгорят за полчаса. Значит, они до сих пор рассчитывают проехать. Ну или среди документов есть что-то слишком важное.

Я повнимательнее присмотрелся к второму, который перебирал папки. Немолодой, лет за сорок. Шинель без знаков различия, но сапоги офицерские и осанка офицерская. Не паникует. Значит, точно понимает, что можно оставить русским, а что нельзя ни при каком раскладе.

– Миша, – позвал я капитана. – Второй у костра. Тот, что с широкими плечами и повадками генерала. Приглядишься.

Карась почти минуту молча смотрел.

– Сортирует, гнида, – констатировал он.

– Ага. Среди папок есть что-то особо важное. Такое, на что мы и не рассчитывали.

– Ну и что делать думаешь, Соколов? Шестьдесят метров под пулемётом – это тебе не на прогулку выйти. Красиво не проскочим.

– А нам красиво и не надо, товарищ капитан, – хмыкнул я. – Смотри сюда, Миша. В шестом – пулемёт. Пока он работает, мы эти шестьдесят метров не пройдем. Нас на щепе и разложат, даже пикнуть не успеем. Значит, шестой надо давить. Там документации нет, иначе они бы не рискнули сажать туда пулеметчика. Если что, его первого будут долбить. Руку даю на отсечение, шестой пустой. Пусть ротный кладёт зажигательными, по нижнему обрезу. Вагон деревянный, сухой, под ветром стоял. Займется сразу.

– А если загорится весь состав? – спросил Мишка, – Мы сюда лезли, чтобы полюбоваться как красиво и весело полыхают немецкие документы?

– Не ссы, капитан, всё будет ровно. Сгорит шестой, и чёрт с ним. Между вагонами разрыв, само по себе не перекинется, ветер не настолько сильный.

– Так, ладно, – согласился Карась, – Что ты хочешь добиться?

– Дыма хочу. Чтобы ни черта не было видно. Мы под эту завесу и проскочим.

Мишка приподнялся, прикинул расстояние. Потом снова сполз за бетон. Помолчал секунду и расплылся в улыбке.

– Соколов. Ты гнилой человек. Совсем бедненьких фашистов не жалеешь.

– Есть такое, – поддержал я шутку капитана.

– Зотов! – Карась мотнул головой. – К ротному бегом. Скажи: по шестому вагону, длинными. Пусть по нижнему обрезу кладёт, зажигательными если есть. Понял?

– По шестому длинными, зажигательными если что, – повторил лейтенант дословно, без запинки, и ушёл в сторону штурмовой группы.

Двигался он на удивление грамотно. Низко, короткими рывками, каждый раз меняя направление. Ни одного лишнего движения. Так грамотно, что удавить хочется. Лёня Зотов – это как тот самый сын маминой подруги. Всё у него, сука, получается идеально.

Ждать пришлось минуты три.

Потом за водокачкой ударили сразу три «ручника». Пули высекли из борта шестого вагона длинную рваную полосу. Кто-то там заорал, пулемёт огрызнулся, захлебнулся и снова забил в сторону водокачки.

Ротный не жалел патронов. Полосу он вёл понизу, вдоль всего борта, и была она в одно и то же место, очередь за очередью. Через минуту у нижнего обреза замерцало. Ещё через полминуты доска взялась по-настоящему – вагон был, похоже, набит соломой, а такое добро горит охотно. Минут через пять дым стал нужной густоты.

Любопытно, но пулемет один хрен продолжал огрызаться на водокачку. Хотя, по-хорошему, пулеметчика надо срочно валить из вагона. Но нет. Он сидел на месте. Значит, есть приказ ценой своей жизни не подпускать к составу.

– Пошли! – рявкнул Карась.

Мы рванули вперёд. Справа, от водокачки, в дым нырнула третья фигура. Зотов успел вернуться и пошёл наперерез, к голове состава.

Шестьдесят метров. Дышать было нечем, глаза резало, из-под ног летел щебень. Где-то справа, в дыму, длинно и коротко бил пулемёт, но уже не прицельно.

Один раз рядом с моим плечом взвизгнуло и ушло в сторону. Дважды я споткнулся о какие-то камни.

Тридцать метров.

Пятнадцать.

Из дымной мути навстречу выскочил силуэт – фриц с карабином. Он услышал звуки чужого присутствия раньше, чем увидел меня и Карася, но у нас было преимущество. Мы сразу знали, что он там, а для него наше появление – полная неожиданность.

Я не стал стрелять. В такой каше запросто положишь своего – Мишка шёл слева, в двух шагах, и в дыму его силуэт от немецкого ничем не отличается.

Ушёл под ствол карабина, левой рукой сбил цевьё в сторону, правой ударил снизу в горло. Немец хрюкнул, начал складываться. Довернул его за воротник, впечатал виском в буксу. Готов. Двигаем дальше.

Дым конкретно сократил видимость. Мы выскочили возле бочки с огнем, как два черта из табакерки.

Солдат стоял спиной к нам и до последнего не понимал, что происходит. Обернулся, когда Карась был уже в двух шагах. Дёрнулся к кобуре – и получил прикладом ППС в рожу. Голова немца мотнулась, будто у тряпичной куклы. Он завалился боком под колёса и там затих.

А тот, что похож на офицера, повёл себя иначе.

Он не потянулся к оружию и не заорал. Обеими руками сгрёб ту самую стопку, что весь последний час откладывал себе под ноги, и швырнул её в огонь.

– Стоять, сука! – рявкнул я.

Поздно. Бумаги ухнули в бочку, разом вспыхнули от жара. Это закон подлости какой-то. До этого фрицы не могли их толком сжечь, а тут занялись – как родные.

Я кинулся к бочке, опрокинул её набок, вывалил содержимое на щебень. Дальше работал руками, бушлатом, сапогами. Часть занялась конкретно. Часть тлела. Часть уцелела. Самое интересное, фриц будто завис. Он стоял и смотрел стеклянными глазами, как я спасаю документы.

Внезапно чуть левее лязгнуло железо. Дверь соседнего вагона отъехала в сторону, и оттуда, из темноты, выскочили фигуры. Одна, вторая, третья. Четвёртая. Ещё фрицы. Сидели в засаде, сволочи.

– Соколов, четверо! – заорал Карась, попутно уходя за колёсную пару.

Но мне в этот момент стало не до новоприбывших фашистов. Немец, который сортировал бумаги, резко пришел в себя, перевел взгляд с почти потухших папок на мое лицо, моргнул и сорвался с места.

Он не побежал вдоль состава, где его срезали бы в две секунды, а прыгнул к рельсам, подобрался и ушёл под вагон – на ту сторону, через сцепку, вниз по откосу. Грамотно ушёл. Так уходит человек, который заранее посмотрел, куда лучше всего бежать в случае полной жопы.

– Мой! – крикнул я Карасю и рванул вслед за фрицем.

Пригнулся, проскочил под вагоном, выбрался с противоположной стороны. Сразу увидел фрица.

Шинель мелькала уже метрах в тридцати ниже по откосу. Чуть дальше начиналась лесопосадка. Уйдёт в деревья – возникнут сложности.

Я без каких-либо раздумий рванул вслед за фашистом. Строить планы некогда. Сейчас – только классическая погоня во всей её неприглядной бытовой уродливости.

В фильмах подобные сцены выглядят героически, в реальности – хрен там. Бежишь, язык через плечо, бушлат тяжёлый, автомат мотыляется. И на кой чёрт он бы сдался, табельное на что? Но мы шли к составу, заранее предполагая, что одними ТТ не обойдёмся.

Откос был крутой, сыпучий, я не столько бежал, сколько ехал, тормозя каблуками. Немец с настойчивостью африканского бегуна мчался вперёд, ровно и экономно, не оглядываясь. Не молодой, за сорок, а дыхание держит.

Двадцать метров.

Он всё-таки оглянулся. Всего один раз, коротко – и я успел заметить, как его рука ушла под полу.

Сука.

Бросился вправо и вниз, за секунду до того, как хлопнуло. Пуля прошла где-то над плечом. Второй выстрел ушёл в никуда, потому что стрелять на бегу, в полоборота, по движущейся цели – занятие крайне весёлое, но малопродуктивное. Впрочем, фриц и не рассчитывал попасть. Просто выигрывал себе десять лишних шагов.

Я ускорился. Догнал его на опушке. Прыгнул сзади в спину, обхватив поперёк, и мы полетели на землю вдвоём, в обнимочку, вспахав прошлогоднюю хвою.

Пистолет выскочил из руки немца, улетел куда-то в сторону.

Дальше стало ещё интереснее, чем было до этого.

Другой на месте фашиста начал бы вырываться. Этот – нет. Он крутанулся под моим весом, поймал левой рукой мою кисть, дёрнул на себя, а правым локтем коротко и мерзко ударил снизу вверх, в основание челюсти. Башка мотнулась назад. Моя башка, естественно. В глазах на мгновение плеснуло чёрным.

Школа абверовская. Хотя абвера уже год как нет – всех подгребли под СД. Но учат их по старинке.

Немец тут же попытался развить успех, вывернуться, а потом уйти в захват шеи. Тут он сильно лоханулся. Потому что вырываться из захвата и брать чужую шею – это разные вещи, и на вторую нужна доля секунды.

Я ему этой возможности не дал.

Уронил вес обратно на фашиста, всей грудью, вышибая воздух. Поймал его правую, крутанул и перевалил фрица мордой в хвою. Потом завернул руку наружу, за спину. Что-то громко хрустнуло. Немец коротко, сквозь зубы, зашипел.

Я не останавливался. Коленом придавил лопатки. Свободной рукой нашарил жгут в кармане.

– Тихо. Тихо, – сказал ему в затылок. – Ещё раз дёрнешься, руку сломаю. Мне без разницы, работают ли у тебя конечности, главное – чтобы язык был в порядке.

Немец перестал сопротивляться. Лежал, прижавшись щекой к хвое, и часто дышал.

Я стянул ему запястья. Проверил узел, потом обшарил шинель. Ни документов, ни писем, ни фотографий – ни-хре-на. Пустые карманы, вычищенные заранее, до последней крошки. Только в правом – початая пачка сигарет и всё.

Немец под моим коленом вдруг заговорил. Тихо, куда-то в землю.

– Zu spät, – выдохнул он. – Es ist längst fort...

И вот тут я возрадовался тому, что одиннадцать последних месяцев долбил этот язык, как буйнопомешанный. По вечерам, по ночам, вытаскивая из трофейных газет и из допросных протоколов каждое незнакомое слово. Даже учебник раздобыл. Пользовался любой возможностью, особенно с пленными носителями языка.

Мишка ржал первые полгода над моим фанатичным желанием владеть немецким хоть как-то, потом привык. К тому же Карась прекрасно знал, в личном деле у меня отмечено прекрасное владение языком, а в реальности – «хенде хох» и «гитлер капут».

Зато теперь я неплохо понимаю немецкую речь. И сейчас тоже понял.

«Поздно. Оно давно уехало» – вот что сказал фашист.

Я развернул фрица за плечо. Он посмотрел на меня снизу вверх – на его физиономии не было ни страха, ни злости. Только досада. Ровная, сухая досада человека, который жалеет об одном: не успел доделать работу.

– Что уехало? – спросил я по-немецки.

Он моргнул. Один раз. И сразу же закрылся, будто перед моим носом хлопнули дверью. Ну и ладно. Дожмём позже.

Поднял его за шиворот, поставил на ноги и погнал вверх по откосу.

Наверху, у путей, всё уже кончилось. Двое немцев из вагона лежали на щебне, третий сидел, привалившись к колесу, и держался за живот. Четвёртого Зотов как раз вязал – деловито, без спешки, как по учебнику. Солдат, который жёг бумаги с моим пленным, связанный сидел тут же. Прямо на земле.

Карась стоял над ним, придерживая левое предплечье. Между пальцев текла кровь.

– Миша? Какого хрена? – сходу накинулся я на капитана.

– Царапнуло, – отмахнулся он. Потом посмотрел на мою добычу и оживился. – О-о-о. Гляньте, кто пришёл. А я уж думал, ты его до самого Штеттина гнать будешь.

– Не пришлось, – усмехнулся я. – Только герр теперь сильно недовольный.

– Так это ничего. – Карась расплылся в своей фирменной улыбке. – Это мы поправим. У нас имеется крайне интересная развлекательная программа.

Для читателей: Товарищи, добро пожаловать в 1945 год, где наш герой снова продолжит бить врага. Предвосхищая ваше неуёмное любопытство и энтузиазм, сразу скажем вот что) Пояснения относительно отчета Судоплатову, как герой выкрутился со смертью Ратцеля, как он попал в 1-й Белорусский к Вадису и почему они с Мишкой до сих пор капитан и старлей – непременно будут. По ходу сюжета. Это только первая глава.

Глава 2

Комендатуру наши развернули в здании городской школы.

Двухэтажная краснокирпичная коробка с высокими окнами, чугунной оградой и вырванными взрывом воротами подходила для этих нужд больше всего. Хотя, скажем прямо, выбор был невелик. Половина города превратилась в руины, тут особо не развернёшься. То, что школа не пострадала от бомбёжек – настоящее чудо.

Внутри комендатуры стоял запах мела, извести и, почему-то, кислой капусты. Капуста выделялась особенно. Стоило переступить порог, она тут же наглым образом лезла в нос, вызывая желание немедленно выйти на улицу. В коридоре первого этажа вдоль стены спали вповалку бойцы – прямо на полу, подстелив шинели. Большинство из них не проснутся даже от прямого попадания.

На самом деле зрелище для марта сорок пятого обычное. Мы пёрли на запад так, что тылы за нами не поспевали. Наступающая армия ночует там, где её застала темнота, – в подвалах, в сараях, в брошенных домах, в кузовах машин. Пока квартирьеры разберутся, кого куда ставить, дивизия уже устроячила на тридцать километров западнее, и разбираться надо заново.

В Альтдамме вышло иначе. Тут мы застряли на неделю и взяли город полностью под свой контроль только вчера. Фрицы вцепились в плацдарм намертво. Части перемололись, перемешались, роты и батальоны разбросало по всему городу и его окрестностям. Кого-то развели по уцелевшим домам, кто-то так и остался на позициях. А этих сняли с передовой уже под утро, им просто некуда идти. Комендатура топится, крыша целая, пол сухой. Больше на передовой ничего и не надо.

Комендант, немолодой майор с одутловатым лицом, сидел в бывшем директорском кабинете с таким видом, будто ему до зубовного скрежета обрыдли и этот кабинет, и этот город. Понять его можно. Хозяйство майору досталось паршивое: полторы тысячи гражданских, которые никуда не захотели уходить, склады с неизвестным содержимым, три очага пожаров и приказ навести порядок за сутки.

Когда мы просочились в комнату, он посмотрел на нас устало и коротко спросил:

– Опергруппа? Пленные?

– Четверо пленных, – уточнил Карась. – И важные бумаги. Нам нужно место, чтобы спокойно разобраться с немецкими архивами.

– Пленных сами знаете куда. Вниз, там подвал под физкультурным залом. Бумаги – это не ко мне. – Майор потёр глаза. – Свободных помещений для их хранения нет. Впрочем... – Он задумчиво посмотрел на Мишку. – Второй этаж, налево, бывшая комната для инвентаря или что-то такое. У немцев всё через задницу.

Комендант хмыкнул, покачал головой.

– Людей они в грош не ставят, миллионы угробили, суки. А для веников и тряпок отдельную комнату, значит, сделали. Только там холодно. Если что, печку сами топите.

Мы с капитаном ответили, что нас такое вполне устраивает. Крыша над головой есть, и слава богу. Главное, чтобы никто не лез и не мешался. Ибо секретность, мать её так.

«Мать её так» вслух, конечно, не прозвучало, но смысл читался между строк. Скажем честно, за четыре года войны отношение армейских к СМЕРШу не сильно поменялось. Некоторые так и продолжали искренне считать, будто мы какой-то хернёй занимаемся. В большей мере своих же трясем и к стенке гоним. Другие, кто повоевал подольше, знали, что это совсем не так, но один чёрт старались держаться от контрразведки подальше.

Поблагодарили коменданта, вышли из кабинета и занялись решением насущных вопросов. Зотов ошивался в стороне, ожидая приказа от старших то есть от нас с Мишкой.

Для начала отправили немцев в подвал, передали их начкару – сержанту из комендантского взвода, мужику лет тридцати с обожжённой щекой. Тот пересчитал фрицев по головам, буркнул «принял» и погнал пленных вниз. Всех, кроме моего.

Этого я втихаря от коменданта велел определить в отдельное помещение – в каморку рядом с комнатой, которую нам с барского плеча выделили. Мне так было спокойнее, и Карась данное решение поддержал. Очевидно, фриц нам достался непростой, а значит, с него глаз спускать нельзя ни на минуту. Будет сидеть через стенку, по крайней мере, пока не допросим. Сейчас он еще числится за оперативной группой, к нему никто не сунется.

Потом пришло время заняться Карасём. Этого упрямого осла ранили, а он носился по комендатуре как конь и отказывался идти к врачу.

– Да отвяжись ты, Соколов, – отмахнулся капитан, когда я снова завёл речь про доктора. – Подумаешь, царапнуло. Главное, кость целая.

– Миша. Ты рукой шевелишь как парализованный.

– Я ей вообще шевелить не собираюсь. У меня вторая есть.

После десяти минут активного спора я взял Карасева за шиворот и буквально пинками погнал его вниз, в дальний конец коридора. Там, в небольшой комнатке, устроился полковой фельдшер. Обстановка скучная – стол, два ящика с медикаментами и лавка вдоль стены. Санчастью это назвать язык не поворачивался, но других вариантов в Альтдамме не было. Медсанбат стоял за городом, и ехать туда Мишка не согласился бы даже под угрозой трибунала.

Зотову велел караулить и комнату с документами, и моего фрица. Пленного мы связали крепко, на всякий случай и ноги, и руки. Дверь закрыли навесным замком. Но, как говорится, лучше перебдеть, чем просрать важный источник информации. А то, что он важный, я не сомневался ни минуты.

Фельдшер, молодой парень, разматал наше тряпье, которым перевязали Мишкину руку. Поцокал языком, обозвал меня рукожопыми и взялся за дело. Обработал кожу вокруг йодом, промыл рану перекисью, выстриг лохмотья по краям. Мишка при этом сидел с каменной физиономией и только шипел сквозь зубы, когда особенно припекало.

– Зашивать не буду, – сообщил фельдшер, вытряхивая в рану белый порошок из паке-тика. – Не положено. Огнестрел наглухо зашивать нельзя, загноится к чёртовой матери. Через недельку, если чисто пойдёт, стянем.

– Как хочешь, – согласился Карась. – Мне лишь бы работало.

– Работать не будет, товарищ капитан. – Эскулап мрачно посмотрел Карасеву в лицо. – По-хорошему, неделю руку нельзя нагружать. Но вам, конечно, на мои слова наплевать. Выйдете и сразу забудете.

– Да что ты, товарищ военврач, – хмыкнул Карасев. – Отсюда сразу в постель. Старлей бульончика сварит.

Фельдшер шутку проигнорировал. Вместо этого уточнил, когда капитану последний раз кололи против столбняка. Не получил вразумительного ответа и вкатил ему сыворотку под лопатку. Вот тут Мишка высказался. Длинно, с чувством и с оборотами. Возню с раной он терпел молча, а из-за укола обиделся смертельно.

Пока напарника бинтовали, я вышел во двор покурить. Вернулась всё-таки гадская при-вычка.

Во дворе школы, у ограды, сидели немцы. Не пленные – гражданские. Человек тридцать, в основном женщины и старики. Сидели молча, на узлах, и смотрели в одну точку. Их собрали сюда с окрестных улиц, потому что дома горели, а куда девать местных жителей – никто пока не придумал.

Мимо шел боец с ведром. Остановился, посмотрел на немцев. Потом поставил ведро на землю, вытащил из-за пазухи полбуханки, бережно завернутые в тряпицу. Разломил и сунул половину ближайшей старухе. Та не взяла. Он положил хлеб ей на колени и пошёл дальше.

Я наблюдал за этим со стороны и думал – вот она, Германия. Дошли до неё. А проблем меньше не стало. Они просто изменились. В большинстве своём местное население при появлении Красной армии в пляс не пускалось и с караваем нас не встречало. Для них мы захватчики. Зашибательская логика, конечно. Когда их Гансы к нам пришли – это значит норм. А мы теперь – плохие. Пресловутые двойные стандарты во всей красе.

Как только Карасев вырвался из лап военно-полевой медицины, вернулись обратно в свой «рабочий кабинет». Зотов бдил у дверей, между двумя помещениями. Сторожил и спасённые бумаги, и фрица.

Бумаг, кстати, получилось до хрена. Мы обнаружили их во втором и третьем вагонах. Десять мешков и штук двадцать деревянных ящиков. На первый взгляд ценность этих документов пока была неясна, но выглядела немного сомнительной. Делопроизводство, хозяйственная переписка, реестры, картотеки.

Чтобы транспортировать всю эту писанину от состава до комендатуры, пришлось через ротного просить из города полуторку и троих бойцов в помощь. Чему, ясное дело, армейские не обрадовались – самим нужны и машины, и люди. Но отказать не смогли. Дураков нет.

Остальные вагоны оказались пустыми. Вернее, не совсем, дерьма там было навалом – солома, порожняя тара, чьё-то брошенное барахло. Но ни одной бумажки. И это опять же выглядело немного странно. На кой чёрт Вадису понадобился весь этот хлам?

Единственное, что свидетельствовало о важности документов, – упорное желание немцев их сжечь.

То, что мы успели выхватить из огня, лежало отдельно. Собрали прямо там, у состава, в плащ-палатку Зотова – руками, вперемешку с золой и щебнем. Килограмма три, может, четыре. Обгорелые, грязные, местами рассыпающиеся в труху.

Десять мешков и двадцать ящиков – это работа на неделю для целого отдела. Но у нас нет ни недели, ни лишних рук. Поэтому надо вычленить самое главное. Вадис был уверен, что в эшелоне секретные бумажки. Их он и ждет. Список купленных ведер ему точно не нужен.

Уселись прямо на пол, возле добычи.

– Порядок такой, – сказал я. – Сначала разбираем мешки. Всё, что с грифом, – направо. Всё, что с датами после января, – прямо. До января – налево. Всё, что вообще не поймёшь, – ко мне. Остальное в кучу.

– А остальное – это что? – уточнил Зотов.

– Мусор, который вообще не представляет интереса, – пояснил я лейтенанту.

Минут через сорок стало понятно – мусором можно считать почти всё. Это не документы, а какая-то срань господня. Ведомости на выдачу продовольствия. Списки эвакуированных с Померанского побережья. Переписка полицией-президиума о нехватке угля. Требование заменить неисправную печатную машинку, три раза, с нарастающим раздражением. Реестр конфискованных велосипедов.

Карась в сердцах швырнул очередной лист в кучу.

– Соколов, я, конечно, товарища генерал-лейтенанта шибко уважаю, но вот конкретно сейчас понять не могу... Мы ради этого хлама лезли под пулемёт? Тут велосипеды! Мать их в душу! Восемьдесят четыре штуки. Сдохнуть можно с тоски.

Я Мишку вполне понимал. Сам чувствовал то же самое, только виду не подавал.

Работали ещё час. И только потом я понял, что ищу не то. Вернее, не так.

Отложил лист. Откинулся спиной к стене.

– Миша, – позвал Карася. – Помнишь, как они работали.

– Кто?

– Те двое у бочки. Первый рвал подряд, не глядя. Второй сортировал.

Карась медленно повернул голову, посмотрел на меня.

– Ну? – вид у него был хмурый и пока непонимающий.

– А теперь смотри, что из этого выходит. Первый уничтожал что-то незначительное, а второй выбирал важное. И это важное попало в огонь в последнюю очередь, значит, уцелело. На хрен мешки, давайте ковырять вот это.

Я подтянул к себе плащ-палатку и вытряхнул содержимое отдельной кучей.

Карась потянулся здоровой рукой, взял верхний лист. Повертел. Поднёс поближе к глазам, будто пытался увидеть, не спрятано ли что-то другое под буквами.

– Соколов, мой немецкий, может, не так хорош, но тут накладная на восемь бочек солидола. Ошибаться не могу. Фрицы что, дураки? Зачем прятать от нас солидол, который отправили хрен его знает когда и хрен его знает куда.

Я забрал у него лист, отложил его в сторону. Задумался.

Как же объяснить Карасю, чтобы он понял.

В прошлой жизни я восемь лет работал по особо тяжким, из них последние четыре – сплошь серийники. Сослуживцы за глаза говорили, что Волков сам наполовину такой же, иначе бы их не чуял.

Может, и правы были. Не знаю.

Но фокус там всегда один и тот же. Место преступления никогда не рассказывает про убийцу напрямую. Оно рассказывает про то, что убийца сделал специально. Прибрал, унёс, переложил, стёр. Всё остальное он оставляет как есть, потому что ему плевать.

И вот по этой границе – где ему плевать и где вдруг перестало быть плевать – человек и вылезает наружу целиком. То есть надо конкретно искать не те факты, которые остались, а те, которые исчезли.

– Смотри сюда, – я подтянул к себе стопку, которую разбирал последние полчаса. Взял листок, сунул Карасю под нос. – Опись имущества, подлежащего эвакуации. Февраль. Двенадцать позиций, все на месте, пронумерованы честно. А теперь глянь вниз, на итог. Общий вес – четыреста тридцать тонн.

– Ну и что? – Мишка поднял на меня взгляд.

– А то, что я сложил. Все двенадцать позиций дают триста шестьдесят.

Капитан нахмурился, повнимательнее взгляделся в документ.

– То есть, ты хочешь сказать, что пять десятков тон куда-то испарились?

– Именно, – я щелкнул пальцами в воздухе, – Опись переписывали набело. Позиции убрали, а итог перенесли из черновика, не пересчитав. Обычное писарское разгильдяйство. Дальше вот. – Теперь к Карасеву переключался один из уцелевших в огне листов. – Совсем другая бумага, другое ведомство. Реестр фактических отгрузок за тот же февраль. Шесть отправок, по каждой – вагоны, вес, получатель. Всё расписано полными словами. Кроме седьмой строки. Там вместо получателя буква с цифрами. Ни города, ни ведомства. Только код.

– Может, обычное сокращение? – подал голос Зотов.

– Может, – согласился я. – Только по остальным шести никаких сокращений нет. И вес седьмой отгрузки – тадам! Ровно сорок четыре тонны.

Вытащил еще один документ, из стопки, которую успел отложить.

– А вот железнодорожная накладная. К ней положено четыре приложения, все перечислены на обороте. Первое, второе, третье – есть, я их нашёл. Четвёртое – спецификация груза с перечнем содержимого – отсутствует. И ещё в трёх местах то же самое. Три разные бумаги, три разных писаря. А упирается все будто бы в одно.

– Получается, фриц вычищал одну конкретную историю... – медленно проговорил Карась. – Прятал следы того, что увезли в феврале.

– Верно, – подтвердил я. – И знаешь, что самое смешное, он сам это озвучил. Когда я его брал, ляпнул что-то типа... поздно, месяц назад уехало. То есть мы имеем не секретный документы, Мишка, а секретный груз. Получатель зашифрован, спецификация уничтожена, упоминания вычищены из четырёх документов разом. Так не прячут боеприпасы или награб-

ленное – награбленное вообще возят без описи. Так прячут то, о чём не должны знать не только русские, но и половина собственного ведомства.

– Так, ладно... Есть в твоих словах смысл, Соколов. Фриц подчищал одну позицию во всех документах. Согласен. Давай-ка ещё пошерстим то, что уцелело в бочке.

Карась снова полез копать в обгоревших бумажках, а я вдруг задумался. Вспомнил чёртов «Колокол».

Вернее, я его и не забывал. Чертежи Крестовского были тем локомотивом, который тянул меня в Берлин. Да, возможно, разведка достала бы их быстрее и профессиональнее. Только тогда схемы попадут ровно туда, куда попасть не должны. К руководству Советского Союза. А я очень постарался сделать так, чтобы этого не произошло.

Первым шагом стал тот самый отчёт, отправленный в апреле Судоплатову через Светлова.

Не буду скромничать, отчёт вышел хороший. Я над ним сидел почти сутки. Никогда не думал, что у меня настолько богатая фантазия и прекрасный литературный слог.

В отчёте было изложено следующее. Установка, которую немцы обозначают как «Колокол», представляет собой не оружие, а самую настоящую ловушку для нашей страны. Рейх провел девять серий испытаний за три года. И не добился никакого результата. При этом проект непрерывно поглощает дефицитнейшее сырьё – свинец, ртуть, медь, генераторы, кенотроны. А главное – машина не будет работать без использования человеческих ресурсов. В прямом смысле.

Немцы, имея на руках автора проекта, производственную базу и неограниченный расходный материал, не смогли довести её до рабочего состояния. То, что они замыслили в Одессе, выглядит как бред. Зачем им рисковать и собирать нерабочую приبلуду. Но! Если только суть диверсии не была в другом. Они как раз не планировали ничего собирать, они хотели впарить «Колокол» нам.

Далее. На допросе двадцать четвёртого апреля Ратцель предложил доработать установку для Советского Союза. Начальник отдела майор Назаров отнёсся к предложению с интересом и сразу стало понятно, что эта информация ляжет на стол Ивашутину, оттуда – в Москву. И вот тут я, старший лейтенант Соколов, понял, куда всё катится.

Немецкий физик, доктор наук, штурмбаннфюрер СС садится в Москве под охраной и на два года уводит советские ресурсы и советских специалистов в проект, который сам же не смог доделать. Легально. С санкции. С охраной за государственный счёт. А чем это чревато – уже очевидно.

Дальше я писал, что доложить и ждать результата не мог. Проблему надо было решать здесь и сейчас. Принял решение единолично. Ратцель должен был умереть, иначе сотрудничество с ним, предложение о котором непременно приняли бы, могло стать ядом, медленно убивающим нашу страну. Это не считая того, что машина, собранная под руководством фрица, может все-таки оказаться рабочим вариантом, но работать она будет совсем не так, как мы думаем. К примеру, уничтожит половину Москвы. Мы не знаем всех подводных камней. Наука наша, конечно, самая лучшая и всё такое, но опасность слишком велика. Вину признаю. Наказание приму.

Красивый отчёт. Ни единой выдуманной детали. Показания Гуревича по закупкам – есть. Стенограмма допроса Ратцеля про девять серий и про человеческие жертвы – есть. Всё правда.

Придуман только вывод. Я написал: машина не работает и работать не будет, в этом как раз кроется ловушка. А если вдруг заработает – тем более ловушка. Последний привет от Гитлера.

Пожалуй, такой отчёт мог принять и понять только Судоплатов. В итоге я не ошибся.

Через месяц пришёл ответ. Одной строчкой.

«Действия признаны обоснованными, взыскание не налагается, продолжать работу.»

Продолжать работу – это ещё один нюанс, которого я добился своим отчётом.

Сеть Пророка после смерти Борисова вроде как была уничтожена целиком. Крестовский, Воронов, Мельников, Лесник, Аптекарь, Борисов, Ратцель – всё. Разрабатывать некого. Агента при таком раскладе отзывают. А мне в Москву очень не хотелось. Мне хотелось в Берлин. Попасть туда в 1944 можно было только одним образом – в составе действующей армии.

Поэтому я сделал ход конём. Указал Павлу Анатольевичу новую возможную задачу для себя самого.

Логика простая, и она даже выглядела убедительно. Борисов выкрал схемы в июне сорок третьего и ушёл к немцам. Но Борисов – чекист, а не физик. Он не мог оценить, что именно тащит, и уж точно не мог объяснить немцам, чем доработанный вариант отличается от их собственного. А Ратцель на допросе показал: разницу поняли сразу и проект перезапустили немедленно.

Значит, Борисов был курьером. Кто-то объяснил ему ценность бумаг ещё до того, как он их унес к фрицам. То есть, имеется ещё один человек, о котором нам неизвестно. И он далеко не последнюю должность занимает.

В первом ответе о моей версии не было сказано ни слова. Только приказ оставаться на месте и нести службу в рядах контрразведки.

Затем полгода меня никто не дёргал. Мы с Мишкой спокойно работали под началом Ивашутина, который, надо признать, теперь косился в мою сторону с опаской. Пётр Иванович тоже не дурак. Понял: если под боком трётся человек из Москвы, да еще под прикрытием, значит, это может быть чревато для самого генерала.

А в декабре пришел новый приказ.

Меня и Карася откомандировали в Управление контрразведки 1-го Белорусского фронта. К генерал-лейтенанту Вадису.

И это был неожиданный, но очень уместный для моих планов поворот. К тому же, предельно понятный.

Я написал в Москву, что предатели уничтожены не все. Кто в таком случае попадает под подозрение? Человек, который был рядом с Борисовым. Который им руководил. Москве потребовалось полгода чтобы прийти к этому выводу. Ну или они просто наблюдали за Вадисом, а теперь решили получить твердое доказательство либо вины генерала, либо его невиновности.

– Товарищ старший лейтенант...

Я поднял голову, посмотрел на Зотова.

– Вы изучаете один документ уже пять минут, – сказал лейтенант. – Что-то нашли?

Пять минут... Мне казалось прошло секунд двадцать. Хрена себе, задумался.

– Да нет, – ответил я. – Не нашел. Ты не отвлекайся, Лёня. Работай.

– Так точно, – согласился он и снова принялся возиться в остатках бумаг.

Внезапно дверь без стука распахнулась.

На пороге стоял майор Ласточкин. Начальник отдела контрразведки «Смерш» сто пятидесятой стрелковой дивизии. Хозяин здешней земли.

Мужик лет сорока, с гладко зачёсанными волосами и аккуратным пробором. Человек, который на дух не выносит нас и которого еще больше не выносим мы.

– А денек-то сегодня будет испорчен... – тихо протянул Карась, затем поднялся на ноги, козырнул майору.

Я тоже встал с пола замер рядом с Мишкой. Судя по кислой физиономии Ласточкина сейчас что-то будет.

Глава 3

Майор Ласточкин... Товарищ Гнида, как я его ласково называю за глаза, о чем он, конечно, не догадывается. Не человек, а песня.

Дело в том, что СМЕРШ – организация с очень строгой вертикалью. Что-то типа лестницы.

На нижней ступеньке – отделы контрразведки дивизий. Работа у них простая, муторная и, мягко говоря, невеселая. Эти парни разбираются с тем, что творится в частях. Кто убежал с поля боя, а кто наоборот прибежал, но не с той стороны. Кто выстрелил себе в руку и рассказывает, что это сделал фриц. Кто болтает лишнее в землянке. Откуда взялся подозрительный боец, прибывший с пополнением.

Восемь километров фронта – и на этих восьми километрах дивизионные копаются в дерьме, выискивая реальные факты предательства или признаки диверсионной деятельности.

Ступенькой выше – отделы по армиям. Эти уже руководят дивизионными, ставят им задачи и проверяют, чего те накопили. Но главное – армейские смотрят не внутрь, а наружу. Их дело – агентура, которую фрицы забрасывают в полосу армии, информация, откуда эту агентуру гонят, и вся та публика, что не влезает в рамки одной дивизии. У них своя следственная часть и своя тюрьма. Там дела доводят до трибунала, а дивизионные, по сути, только материал собирают.

Ещё выше – Управление контрразведки фронта. Вот там уже совсем другая история.

Фронтовые не ловят одиночек. Они работают по «конторам», которые этих одиночек производят. Выясняют, где у немцев разведшкола, кто ей заправляет, чему учат курсантов, кого и в какой квадрат забросили за последний месяц. Взял одного агента – и через него вытягиваешь всю сеть, до последнего человека.

Это не «задержали и допросили». Это месяцы работы по одному фигуранту: наблюдение и проверка связей. Иногда такое дело тянется несколько месяцев. Всё это время объект спокойно ходит на службу и не подозревает, что каждый его шаг фиксируется.

Радиоигры – вообще отдельное удовольствие. Берём немецкого радиста с рацией, склоняем к сотрудничеству и продолжаем стучать в его центр. Только уже то, что нужно нам. Абвер верит, планирует операции по нашим сводкам, шлёт деньги, грузы и новых агентов. Прямо к нам в руки.

Ну и трофейные архивы. Вот как раз то, чем мы сейчас и занимались, сидя на полу немецкой школы. Потому что в бумагах, если уметь читать, лежат фамилии, адреса явок, картотеки. Живые люди, которых потом можно взять.

Дела такого уровня уходят напрямую в Москву, минуя все промежуточные инстанции.

Мы с Мишкой – фронтовые. Ходим под генерал-лейтенантом Вадисом и подчиняемся исключительно своему Управлению.

Майор Ласточкин нам как бы не начальник. Ни на грамм. Он не может отдать приказ группе Карасева, не может объявить взыскание, не может даже поинтересоваться, чем мы тут занимаемся.

Только вот сейчас он на своей земле, а мы вроде пришлые. То есть без ведома Ласточкина хрен что сделаем. Пленных сдаём в подвал, который охраняет его комендатура. Транспорт просим у его дивизии. Связь – через его узел.

И ладно бы дело было только в этом. Всё гораздо хуже. Нам приходилось иметь дело с майором раньше, до Альтдамма. Причём дело вышло, прямо скажем, некрасивое.

В начале февраля, под Ландсбергом, парни Ласточкина взяли бойца.

Обычный красноармеец, двадцать два года, сержант. Провел три месяца в настулении. Его взвод ночью нарвался на немцев, которые пробивались на запад из окружения. Немцы ока-

зались неплохо вооружены и очень хотели жить, а потому половину нашего взвода положили, остальных раскидало по лесу.

Четверо суток парень шёл к своим один, без оружия. Заблудился окончательно и к нашим позициям выбрался с немецкой стороны. Его, естественно, – под белые ручки и пред светлые очи контрразведки.

Процедура в таких случаях штатная. Через фильтрацию проходят все, кто выбрался из окружения или побывал в плену. Потенциальных врагов изучают под лупой, сверяют их рассказ с реальными данными, опрашивают свидетелей – подавляющее большинство возвращается в строй через неделю-другую. Работа неприятная, нудная, но необходимая, потому что вместе с настоящими бойцами, рвущимися обратно к своим, через линию фронта пробираются и завербованные предатели.

Конкретно в данном случае не было ничего особенного или вопиюще неправильного. Таких историй до фига и больше. Но Ласточкин из рутинной проверки решил сделать свой личный результат. Показать начальству, какой он молодец.

Логика у майора выстроилась железобетонная. Четверо суток сержант якобы топал по лесам один. Без оружия. Прошёл по немецкой земле, выбрался живым и здоровым. Значит что? Значит, его на самом деле взяли фашисты, завербовали, отпустили и теперь ждут внедрения.

Отличная логика, если очень хочется. И совершенно неубиваемая, потому как доказать обратное невозможно в принципе. Как ты докажешь, что тебя не вербовали и ты не шпион?

Сержанта посадили в подвал. Уже как преступника.

Мы с Карасём оказались в расположении дивизии по своим делам – искали радиста, который трижды выходил в эфир из одного квадрата. Историю эту слышали случайно, от дежурного.

Я попросил посмотреть дело. С самого начала оно показалось мне слепленным на коленке, а вина притянутой за уши. Тот, кого реально завербовали, выйдет с правильной стороны, с правильной легендой, и будет выглядеть так, что ты ему поверишь в первые несколько часов разговора.

Ласточкин дал. Вроде бы как из чистой вежливости, на самом деле – чтобы показать залётным фронтовым хлыщам, как работают настоящие чекисты. Чего уж скрывать, дивизионные нас не сильно любят.

Мне хватило получаса, чтобы полностью разобраться с делом.

Сержант в объяснительной подробно разложил свой маршрут. Деревни, хутора, которые проходил. К людям не совался, держался в стороне, но запомнил много деталей. Описал речку, кирху с проломленной крышей, дорогу с телеграфными столбами. Всё изложено по дням. Записано корявым почерком, с ошибками, но чётко.

Я взял оперативную карту с датами занятия населённых пунктов и с продвижением обеих армий, затем просто наложил одно на другое.

Картинка получилась любопытная.

В ночь боя парня реально понесло не в ту сторону. Немцы шли на запад, и он в суматохе боя двинул вслед за ними. В темноте, без оружия, не понимая, где свои. К утру оказался уже за передним краем, впереди наших. На немецкой земле. Правда, к его же счастью, быстро понял свою ошибку и развернулся на восток.

В поселения он не заходил. Ночевал в лесу. На дорогах не светился. Один раз, судя по записи, просидел почти сутки в какой-то яме, потому что мимо шла колонна.

Кстати, место и время движения колонны полностью совпадали со сведениями контрразведки.

На третьи сутки началось интересное. Снова на пути вдруг попалась кирха с проломленной крышей. Потом речка, которую вроде бы уже переходил.

Он кружил. Классическая история – человек без компаса в незнакомой местности заблуждается вправо и ходит по кругу. Только круг у него получился здоровенный, километров на двадцать, и вынесло парня далеко на север.

А там линия выглядела иначе. Пока он бродил, наши на юге ушли вперёд, а на севере, у Шнайдемюля, немцы ещё держались. Вот в этот выступ он и упёрся. Ночью перевалил передний край и выскочил к нашим позициям со стороны противника, к чужой части, в которой его никто не знает.

Ласточкин сходу разглядел в ситуации свою личную выгоду. Пойманный диверсант – показатель его прекрасной работы. В первую очередь майор сделал упор на том, с какой стороны явился боец. От немцев. Значит, оттуда и послали.

Пришлось популярно разжевать майору, насколько он неправ. Начиная с маршрута парня и заканчивая его искренним желанием рассказать своим всё подробно, чтобы точно не усомнились. Более того, память у парнишки оказалась завидная. Он детально расписал нам укрепления немцев в районе соседних поселений. И это реально была достаточно важная информация, которая потом пригодилась.

Но я допустил одну ошибку. Или не ошибку, чёрт его знает. Тут как посмотреть. Просто выбесил меня Ласточкин очень сильно. Из-за таких вот мудаков мало того что невинные страдают, так ещё за нами, за СМЕРШем, тянется мифический кровавый след.

В общем, я вывалил всю информацию майору на голову при двух его оперативниках, чего, конечно, он пережить не смог.

А бойца, между прочим, через несколько дней отпустили в часть. Личность его подтвердилась, сам он оказался невиновен.

Зато у меня появился крайне преданный недоброжелатель. Я майора ткнул носом в некомпетентность его работы. Такое не прощается.

Ну и Мишку заодно он тоже возненавидел люто. Правда, по другой причине. Отдельной и, с точки зрения любого правильного чекиста, вполне уважительной. Ласточкин где-то раскопал, кем был капитан Карасев до сорок первого года. Видать, рыл под меня, а наткнулся на Мишкину биографию.

И вот теперь, в Альтдамме, он всё время кружил рядом с нами. Прямо как крыса, которая водит носом и пытается унюхать дыру, в которую можно проскочить, а потом нагадить. За что и получил ласковое прозвище товарищ Гнида.

– Работаете, товарищи оперуполномоченные? – прокурлыкал он с порога.

Вежливо так прокурлыкал, с добрыми отеческими интонациями.

Затем, не спрашивая разрешения, прошёл в комнату. Оглядел разложенные по полустопки. Наклонился, подцепил одну бумажку.

Зотов на автомате дёрнулся вперёд. У лейтенанта сработала установка, что информация секретная, а значит, трогать её никто не должен. Зотов у нас как робот в этом плане. Программа заложена, от неё не отступает ни на шаг. Мишка остановил Лёню одним тихим «цыком» сквозь зубы. Затем посмотрел спокойно на Ласточкина и точно так же вежливо ответил:

– Работаем, товарищ майор.

Карась у нас старший, значит, ему с Гнидой и говорить. Я в этой беседе лицо второстепенное, младший по званию, могу только молчать и слушать. Оно и к лучшему, если честно. А то как бы не послать товарища Гниду куда подальше. Он теперь бесил меня ещё сильнее, чем при первой встрече.

Никогда этого не понимал. Одно дело делаем, а какой-то мудила из-за своих личных амбиций и раненого эго вставляет палки в колёса. По мне так Ласточкин похлеще любого диверсанта будет. Он гадит здесь, в нашей же песочнице, нашим же общим целям.

– Хорошо. Похвально, – кивнул майор.

Затем повертел листок, ни хрена не понял, бросил его снова в кучу, лежащую на полу. Но не в ту, откуда взял.

Зотов столь вопиющее непотребство сопровождал громким вздохом. Он тут битый час по стопочкам раскладывает, а ему пришли и бардак наводят.

– И как улов? – поинтересовался товарищ Гнида.

– Разбираемся, – коротко ответил капитан.

– Разбирайте, разбирайте, – затряс башкой Ласточкин. – Я, собственно, вот по какому вопросу.

Улыбка у него стала ещё более вежливая, но совершенно безжизненная. Будто её приклеили.

– Материалы и задержанные, взятые в полосе дивизии, проходят регистрацию через мой отдел. – Майор с вызовом посмотрел Мишке в глаза. – Порядок такой. Сами знаете. Но сейчас, к сожалению... – Он развёл руками и сделал печальное лицо. – Все мои люди заняты. Я приказ, конечно, дам. Однако боюсь, раньше завтрашнего утра оформить по описи не получится. Утречком пришлю к вам оперуполномоченного Лаптева, он займётся. Через сутки всё уйдёт наверх, к начальству. В целости и сохранности.

– Изъятие проводилось по прямому заданию Управления контрразведки фронта, – сказал Карась.

Карасев, как и я, прекрасно понимал: майор просто мелко нам гадит. Оттягивает бюрократические моменты.

– Так я и не спору, товарищ капитан. – Ласточкин снова развёл руками, отчего до ужаса стал напоминать квочку, которая пытается собрать цыплят. – Никто у вас ничего не отнимает. Ни в коем разе. Но оформить всё положено правильно. Опись, регистрация, сопроводительная – и езжайте себе с богом.

Я мысленно усмехнулся. Значит, завтра утром придёт человек Ласточкина, потом ещё сутки он будет возиться с работой, которая от силы займёт несколько часов. Зачем это майору? Всё просто. Он сам хочет поковыряться в добытых нами документах. Вернее, даже не так. Поковыряться как раз оперуполномоченный Лаптев. Если найдёт что-то важное, доложит товарищу Гниде. С пленными так же. За сутки любую бумагу можно прочитать четыре раза. И любого фрица допросить дважды.

При этом у Карасева нет официальной весомой причины послать майора. Придаться не к чему – вот что самое паршивое. Ласточкин не превышает полномочий, делает ровно то, что обязан делать начальник дивизионного отдела: регистрировать всё, что взяли на его участке. Чёткие сроки нигде не оговариваются. Тем более на передовой о сроках вообще говорить нереально.

И тут у нас есть только один вариант – сделать вид, будто мы следуем букве устава, но повернуть всё по-своему под носом у Ласточкина.

– Товарищ майор. – Карась чуть сдвинулся, загораживая от Гниды плащ-палатку с обгорелыми бумагами. Незаметно так сдвинулся, будто просто переступил с ноги на ногу. – Материал специфический. Немецкое делопроизводство, шифрованные обозначения. Ваши люди с ним провозятся неделю и один чёрт ничего не поймут. Только время потеряем.

– А мы и не собираемся понимать. – Ласточкин пожал плечами. – Опишем и передадим. Кто там что поймёт – не моя забота.

– Опишете? – переспросил Мишка, не скрывая сарказма. – Двадцать ящиков и десять мешков? Вручную, по листу.

– Порядок такой, – с наигранной досадой произнёс майор. Хотя и ежу понятно, описывать они будут скопом, сразу пачками.

– Порядок, – согласился Мишка. – Только пока вы будете описывать листы, груз, который в этих листах зашифрован, уедет ещё дальше. И объясняться за это придётся генерал-лейте-

нанту Вадису перед Москвой. Вы же понимаете, что товарищ генерал-лейтенант очень захочет разобраться с тем, кто подвёл его под монастырь.

Вот тут улыбка у Ласточкина немного подвяла. Но не до конца. Он не собирался сдаваться.

– Товарищ капитан. – Майор сцепил руки за спиной. – Я служу в органах с тридцать восьмого года. Семь лет. И за эти семь лет твёрдо усвоил одну вещь: инструкции пишут не дураки. Вот когда каждый начнёт решать сам, какую инструкцию выполнять, а какую нет, – тогда и получим то, за что ставят к стенке.

Он выдержал паузу, а потом добавил:

– Особенно люди с определённым прошлым. Которым, знаете ли, вообще свойственно жить не по правилам, а по понятиям.

В комнате стало очень тихо. Это был даже не камешек в Мишкин огород, а здоровенный такой булыжник.

Капитан не шелохнулся, бровью не повел. Только я, стоящий рядом, увидел, как у него дёрнулся мизинец на здоровой руке.

– Понял вас, товарищ майор, – спокойно сказал Карась.

– Вот и славно, – кивнул Ласточкин.

Он крутанулся на месте, двинулся к двери. У порога обернулся.

– И ещё. Тот немец, которого вы в соседней комнате держите. Да, я в курсе. Мне обо всём известно, что происходит на моей территории.

Ласточкин покачал головой с выражением искреннего сожаления.

– Это, товарищи, вообще нарушение всех мыслимых норм. Задержанный не оформлен, не осмотрен, содержится вне охраняемого помещения. А если он там ночью удавится? Или, не дай бог, сбежит и во время побега убьёт кого-нибудь. Кто отвечать будет?

Майор выдержал паузу нужной длины.

– Его надо оформить вместе со всеми. Заодно и побеседую с пленным. Мне же надо понимать, кого взяли на моём участке. Мало ли что.

– Не побеседуете, – отрезал Карась.

Мишка сказал это спокойно, но так, что у Ласточкина перекосило рожу.

– Простите, товарищ капитан?

– Не побеседуете, товарищ майор. – Мишка не повышал голоса, но в интонациях появились характерные нотки. Он уже был на грани. – Задержанный взят оперативной группой Управления контрразведки фронта, в рамках задания фронта, и проходит по нашей разработке. Ваш отдел вправе его зарегистрировать и обязан обеспечить содержание. Всё. Допрашивать чужого арестанта по чужому делу вы права не имеете. Подобная инициатива является вмешательством в разработку другого уровня, и вы это знаете не хуже меня.

Ласточкин не смутился ни на секунду.

– Так я и не собираюсь его допрашивать, товарищ капитан. – Физиономия его стала предельно искренней. – Как вы могли такое подумать? Я займусь исключительно регистрацией и обеспечением содержания. Строго в рамках своих обязанностей.

Улыбка товарища Гниды вернулась на место.

– Мне же надо выяснить, что человеку требуется. Вдруг помощь какая нужна. Медицинская, к примеру. У него, я слышал, рука перебита. Питание опять же. Раз вы его в отдельную комнату определили, значит, фриц важный. А раз важный, то и обеспечение должно быть соответствующее. Давайте не будем расстраивать товарища Вадиса плохой заботой о важных фрицах. Вы сами только что сказали – Москва, объяснения, монастырь. Не дай бог помрёт задержанный без медицинской помощи. Кто отвечать будет? Всего доброго, товарищи оперуполномоченные. Пленного, будьте любезны, ведите в подвал. И оформляйте. Я непременно проконтролирую данный момент.

Майор развернулся и вышел из кабинета. Дверь закрылась тихонечко, почти беззвучно. Секунды три стояла тишина.

Потом Карась негромко, но очень содержательно высказался матом.

– Соколов. – Мишка повернулся ко мне. – Ты понял, что он сейчас сделал?

– Понял. Попытался нас нагнуть. Но так, чтобы его самого потом не нагнули.

– Точнее не скажешь. – Капитан поморщился. – Заботливый, сволочь. Придёт к нашему фрицу, справится о здоровье, посидит полчасика, поговорит по-отечески. И попробуй докажи, что это допрос.

Мишка почесал здоровой рукой затылок.

– Ласточкин ползет к фрицу со своей чёртовой заботой и всю малину нам испортит.

– Испортит, – согласился я. – Но если мы поговорим с пленным первыми, портить будет нечего. Предлагаю сделать это прямо сейчас, пока товарищ Гнида не одуплился.

Глава 4

В камерке, куда мы определили фрица, было холодно и темно.

Пленный сидел прямо на полу. Правая рука перетянута ремнём поперёк груди – я ему её основательно попортил в лесопосадке. Левая крепко привязана к трубе отопления. Когда вошёл, дверь скрипнула, но он даже взгляд не поднял. Сидел неподвижно и пялился в одну точку. Так себя ведут либо смертельно уставшие люди, либо те, кто уже все решения принял и ничего больше не ждёт.

Я подошёл ближе, поставил на пол керосинку, которую прихватил с собой, уселся напротив. По-турецки. Беседовать с фрицем из положения «стоя» не вариант. Мне нужно видеть его лицо и глаза.

Мишка остался в коридоре. Мы так договорились. Во-первых, конкретно сейчас одному работать сподручнее. Во-вторых, кто-то должен проследить, чтобы товарищ Гнида не появился к нам с очередной внезапной инспекцией.

Схему допроса выстроил в голове ещё до того, как переступил порог. Так что всё должно пройти ровно. Времени у меня не очень много, потому как Ласточкин непременно в ближайшее время проверит, сдали мы пленного в подвал или нет.

Минуты две сидел молча, смотрел на фрица. Потом положил на пол, прямо ему под нос, тот самый реестр отгрузок.

Немец оторвался от созерцания пространства, посмотрел на бумажку, затем поднял взгляд. В нём, в этом взгляде, мелькнула досада. Всего лишь на мгновение, но мне этого было достаточно. Судя по реакции, мы нашли как раз то, что не должны были найти.

– Забавная бумажка, – начал я по-немецки. Медленно, быстро у меня один чёрт пока ещё не выходит. – Вроде бы ничего интересного, а в реальности – говорит о многом.

Немец продолжал молчать и пялиться на листок.

– Вы уничтожали документы, чтобы они не попали в наши руки. Не все подряд. Подчищали следы одной конкретной отгрузки.

Дыхание пленного изменилось, стало слишком ровным. Он явно пытался контролировать себя, чтобы невзначай не выдать лишнего.

Я выдержал паузу, затем продолжил:

– У вас почти получилось.

– Почти, – повторил немец эхом. По-русски.

Голос у него был низкий, слегка хриплый от холода.

Честно говоря, меня такой поворот удивил. Впервые объект допроса сам перешёл на нашу речь, без провокации с моей стороны.

– Хорошее произношение, – отметил я равнодушно.

Естественно, с одного слова ни черта не поймёшь, хорошее оно там или плохое, но мне надо было поддержать инициативу пленного. Похвала – самый оптимальный вариант.

– Восемь лет в торговом представительстве. Ленинград, Москва, Харьков. – Фриц чуть сдвинулся, пытаясь усесться поудобнее. Учитывая, что ноги у него связаны, – хоть обдвигайся, один чёрт лучше не станет. – В Харькове был замечательный вокзал, кстати. Полагаю, его больше нет.

– Нет, – ответил я, а потом многозначительно добавил: – Вашими усилиями.

– Жаль. Хотя, если посмотреть, что осталось от Штеттина, – он еле заметно повёл плечом, – то, наверное, всё справедливо.

Затем посмотрел на меня внимательно. В его глазах появилось что-то живое. Не страх, не злость. Скорее любопытство.

– Господин старший лейтенант, – продолжил он. – Вы разговариваете со мной на плохом немецком, а могли бы просто ударить. Значит, рассчитываете что-то получить. Позвольте, я сэконоблю время нам обоим. Вы опоздали. – Последнюю фразу немец произнёс с сочувствием. Реально. Будто ему искренне жаль. – Вся ваша суета ни к чему не приведёт. Не потому, что плохо работаете. Работаете как раз хорошо. Просто вы опоздали, вот и всё.

Фриц посмотрел мне прямо в глаза.

– У вас не получится разговаривать меня. И дело не в героизме, героизм в моём возрасте выглядит смешно. Говорить уже не о чем.

Он высказался и замолчал.

Я сохранял на лице всё такое же спокойное выражение, но мысленно крыл немца по папе и по маме.

Этот тип знает, что обречён. Значит, проходит по нашим сводкам как особо заслуживающий смерти. То есть с большой долей вероятности за ним тянется такой след, что варианты сотрудничества даже не рассматриваются. Даже если начну лить ему в уши о помиловании, он хрен поверит. А это очень сильно меняет ту стратегию допроса, которую выстроил в голове.

Внезапно дверь скрипнула, в комнату просочился Зотов.

– Товарищ старший лейтенант...

Я обернулся. Первая мысль – послать лейтенанта к чёртовой матери. Неужели не понятно, что я занят. Вторая – если Мишка пропустил Лёню в каморку, значит, у Лёни что-то важное.

Зотов подошёл ближе, дал мне бумажку. Я поднёс её ближе к лампе.

Текст был написан карандашом, ровным почерком отличника, без единой пометки:

«Тов. стар. лейтенант. В четырёх сопроводительных из мешка № 3 проходит отгрузка медицинского оборудования с окружного склада в Штаргарде. Даты: 2, 9, 14 и 21 февраля. Объём значительный. Прибытие груза нигде не значится. Отгрузили, но он никуда не приехал. Тов. лейт. Зотов».

Я оторвался от писульки, посмотрел на Лёню. Этот тип не перестаёт меня удивлять. С одной стороны, всё верно. Пока мы с Карасём разговаривали, решали, кто пойдёт допрашивать пленного, и потратили впустую не меньше получаса, лейтенант упорно ковырял бумаги. Как ему и было велено. Нарыл что-то выбивающееся из логичной картинке, пришёл сообщить мне. Чтобы пленный не понял, о чём речь, написал на бумажке.

Но на хрена вот эти «тов. стар. лейтенант» и «тов. лейт. Зотов»? Я что, дебил, не пойму, для кого и кем написано?

Кивнул Лёне, мол – принято, можешь быть свободен. Он тут же развернулся и выскользнул из комнаты.

Фриц за нашими молчаливыми переговорами наблюдал из-под полуопущенных век.

Я снова посмотрел на записку. Медицинское оборудование. Четыре отгрузки за февраль. Со склада его вывезли, и оно должно было появиться на «железке». Но не появилось. Исчезло. Или повезли на машине?

Внезапно у меня в башке что-то щёлкнуло. Резко и максимально неприятно, будто кто-то дёрнул за нитку, привязанную к больному зубу.

Медицинские склады. Медицинское оборудование.

А я вот, например, знаю одну интересную штуковину, для которой необходимо выпотрошить рентгеновскую аппаратуру.

Погонял эту мысль в голове пару секунд. Самому стало смешно, если честно. Это уже напоминает навязчивую идею или форменную шизофрению. Раньше, пока не сдох Борисов, меня клинило на Крестовском. Я даже пару раз в Одессе сомневался, а вдруг шизик сидел не в Воронове, а спрятался в бывшем подполковнике. Правда, сразу же отказался от столь бредовой идеи. Слишком она выглядела нелепой.

Теперь мне везде мерещится «Колокол». Двенадцать месяцев мерещится.

После смерти подполковника и Ратцеля мы выгребли всё, что было спрятано под четвёртым причалом, и благополучно растащили в разные стороны по разным нуждам.

Но... с другой стороны... а что мешает фрицам заново начать сборку? Ратцель сдох, однако времени тоже прошло немало. Почти год. За это время какой-нибудь немецкий самородок мог разобраться в чертежах...

Сложил записку, убрал в карман. Развернулся обратно к немцу. А потом, мысленно обзывая себя параноиком и кретином, произнёс:

– Рентгеновские трубки.

Фриц не шелохнулся, но дыхание его замедлилось ещё больше.

Да ладно! Не может быть!

Я продолжил уже увереннее:

– Кенотроны высокой мощности. Медный кабель, толстый. Свинец в чушках, много. Ртуть.

На «кенотронах» пальцы левой руки пленника дёрнулись. На «свинце» он сжал кулак и тут же разжал. На «ртути» дёрнулся кадык.

Попал трижды. Твою ж мать! Они что, и правда начали собирать всё, что необходимо для запуска «Колокола»?! Почему тут? Почему там, где я? Вернее, почему я оказался там, где снова нарисовалась приبلуда шизика? Мы с ней что, на самом деле неразрывно связаны?

– Думаю, там ещё были генераторы, – добавил я. – Не армейские. Промышленные, на большую мощность. Это и есть тот самый груз, который был вычеркнут из документов, но не изо всех. Правильно излагаю?

Немец очень старался это скрыть, но он был потрясён. Потому что ни при каком раскладе я не должен знать эту информацию. Никто не должен. А я бы и не знал, не будь чёртов «Колокол» причиной моего попадания в прошлое.

– Откуда вам это известно? – спросил фриц.

Я небрежно пожал плечами и сделал самое умное лицо, на которое был способен. Хотя внутри сам охреневал от происходящего.

Секунд десять пленный молча пялился на меня, потом откинул голову к стене и закрыл глаза.

– Всё равно это ничего не изменит, – сказал он. – Ваше знание ничего не решает. Груз ушёл к адресату. Больше не скажу ни слова. Можете начинать пытки.

И замолчал. Уже окончательно.

Я поднялся на ноги, двинул на выход. Немец ушёл в глухую оборону, закрылся. И он, кстати, не врёт. Человек, который уже заочно принял собственную смерть, становится непробиваемым. Ему нечего терять, а значит, и надавить на него нечем. Не вижу смысла терять время на бестолковщину.

Как только вышел в коридор, сразу уткнулся в Карасева.

– Не понял? – Мишкины брови удивлённо поползли вверх. – Ты что, уже закончил? Соколов, я начинаю тебя бояться. Управился меньше чем за десять минут.

– Идём, – кивнул на соседнюю комнату. – Срочно надо кое-что обсудить.

В нашем «кабинете» Зотов по-прежнему сидел на полу среди стопок.

– Лёня, давай сюда те четыре сопроводительных, – велел я с порога.

Лейтенант молча вытянул из отдельной стопки бумаги, передал мне.

Я разложил их прямо на полу, присел на корточки, склонился ниже.

Обычные немецкие бланки. Аккуратные, с печатями и подписями, всё чин по чину. Отправитель – окружной склад медицинского имущества в Штаргарде. Даты – второе, девятое, четырнадцатое и двадцать первое февраля. Все, как написал лейтенант.

В графе наименования одна и та же фраза во всех четырёх бумажках. «Медицинское имущество». Ни перечня, ни номенклатуры. Только общий вес, и он приличный – тонны.

Бинты с носилками так не оформляют. Их всегда расписывают по позициям, потому что учёт. А здесь просто вес. Будто указывать содержимое нельзя.

Получатель тоже одинаковый. Вернее, даже не получатель – «в распоряжение отдела снабжения», вот что указано. Без адреса, без станции, без фамилии принимающего.

– Берём мешок номер три, – сказал я, поднимаясь. – Целиком. Ищем все документы за февраль. Особенно нас интересуют даты второе, девятое, четырнадцатое, двадцать первое и всё, что рядом. Плюс место – Штаргард. Плюс любое упоминание медицинского имущества.

– Соколов. – Карась начал заводиться. – Ты объяснишь, что происходит?

– Объясню. Обязательно. Как только найду хоть какое-то доказательство своей безумной идеи. Миша, – я положил руку капитану на плечо, – пока просто поверь, что так надо.

Капитан хмуро посмотрел на меня, матернулся тихонько, но полез в мешок.

Началась самая паршивая часть оперативной работы. Версия есть, фактов ноль, осталось перебрать эти чётковы документы, лист за листом.

Мешок оказался дрянной. Немцы паковали документы второпях, вперемешку. Возились не меньше часа.

Зотов работал как автомат. Взял, глянул, отложил. Мишка читал по слогам и постоянно спрашивал значения слов. Я просто искал любые совпадения.

В итоге бумажек в отдельной стопке набралось прилично. Требование на выделение авто-транспорта. Ведомость на горючее. Наряд на погрузочные работы. Заявка на охрану колонны.

По отдельности мусор. Но мусор, который упорно кучковался вокруг одних и тех же дат.

Автотранспорт меня порадовал особо. Восемь машин, потом двенадцать, потом снова восемь. То есть груз со склада повезли на колёсах, но до железки он вообще не доехал. Куда тогда делся?

Я взял уже отложенные документы, начал перебирать их заново. Именно те, что мы отделили от остальных бумажек как нужные. Зотов и Карась сидели рядом, смотрели на меня и пока ни черта не понимали. Нас всех уже конкретно мутило от немецкого канцелярита.

На третьем круге, в самом низу кучи, попался лист, который я до этого дважды пропускал как подходящий по дате, но бесполезный. Обтрёпанный по верхнему краю, с оторванным углом.

Сводная ведомость за двадцать второе февраля.

Ниже четыре строчки. С теми самыми датами. Второе, девятое, четырнадцатое, двадцать первое. Все отгрузки собраны в один документ. Общий вес – сумма всех четырёх.

И внизу, в графе места приёмки, вместо расплывчатой отписки стояло конкретное название. С адресом.

– Нашёл, – сообщил я товарищам.

– Ну? – снова активизировался Карасев. – Ты можешь нормально рассказать, что мы искали?

– Оборудование не развозили по разным точкам. Его стащили в одно место. Вот, – я потрянул перед капитаном найденной бумажкой, – двадцать второго февраля приняли все четыре партии по общей ведомости. Дальше груз должен был уйти уже одной посылкой.

– И где это место? – Мишка пытался говорить спокойно, но, по-моему, его изрядно бесила моя медлительность.

– Думаю, это речной порт. Везли на машинах, но не к железной дороге.

Карась выхватил у меня лист, поднёс к самому носу. Внимательно смотрел на него пару секунд, потом обернулся к Зотову:

– Лейтенант, давай карту.

Лёня метнулся к своему вещмешку, вытащил оттуда «двухкилометровку».

Расстелили её прямо на полу, уселись вокруг.

Нужную точку нашли за минуту. Западный берег, севернее Штеттина – реально порт.

То, что я пришел к правильному выводу – отлично. А вот местоположение – хреновое. Восточный берег наш, западный – их. Точка на карте лежала за линией фронта.

– Теперь объясняй, – потребовал Карась. – Всё объясняй, с самого начала.

Я в двух словах озвучил Карасю своё предположение. Что медицинское оборудование – это вся та срань, которая требуется для сборки «Колокола».

Мишка выслушал меня молча. Лицо его мрачнело с каждым моим словом.

– Соколов... – начал он таким тоном, что сразу стало понятно: Карась точно считает меня параноиком. – Ты совсем двинулся на этой штуковине. Я почти полгода слушал твои безумные фантазии, как мы проникнем к фрицам и вытащим чертежи. Дело нужное, согласен, но для тебя оно стало каким-то помешательством. Потом ты вроде притих, и я выдохнул. Думал, до Берлина не вспомнишь. А теперь опять?!

– Да чтоб тебя! – Я выхватил у Мишки бумажку, которую он по-прежнему сжимал в руке, тряхнул ею в воздухе. – Смотри! Медицинский склад, четыре отгрузки, несколько десятков тонн без расшифровки содержимого. Свезли в одну точку, оформили одной ведомостью. Ничего не смущает?

Капитан молчал секунд десять. Потом тихо спросил:

– Соколов. Ты понимаешь, насколько бредово все выглядит? Таких совпадений не бывает. Эта штуковина снова всплывает там, где ты? Это прям странно.

– Понимаю.

– Ни хрена ты не понимаешь. Ратцель сдох. Чертежи в Берлине. Немцам сейчас не до научных изысканий, у них жопа подгорает. Мы того и гляди войдём в Берлин.

– Вот именно! – Я снова тряхнул бумажкой прямо перед Мишкиным носом. – И вот тебе факт, который к моему помешательству отношения не имеет. Медицинское имущество. Несколько десятков тонн. По нормам за квартал должно меньше уйти. Со всей Померанской провинции. А тут – четырьмя партиями за один февраль, в порт, без единой строчки о содержимом.

Я подтянул к себе карту и ткнул пальцем в точку, которую мы вычислили.

– Нам надо сюда.

Мишка поднял на меня взгляд.

– Ты больной? – Он резко потянул карту на себя и ткнул туда же. – Вот. Тут немцы. Это за линией фронта!

– Знаю. А теперь представь на минуточку, что я прав. Просто представь. Тебе, как никому другому, известно, чем это чревато.

Мы с Карасевым переглянулись и одновременно посмотрели на Зотова. При лейтенанте ни я, ни Мишка не могли говорить открыто.

Зотов тоже сидел и пялился на нас. Переводил взгляд с капитана на меня, потом обратно на капитана. И ни хрена не понимал. Кроме того, что командир и старлей сцепились намертво, и что я на полном серьезе предлагаю идти на немецкую территорию.

Мишка тяжело вздохнул. Повернулся снова ко мне.

– Соколов. Только потому, что ты – это ты. И только потому, что я очень надеюсь, что у тебя не случилось внезапное помутнение в башке... Давай рассмотрим твою версию, как рабочую. Хорошо, немцы собрали оборудования для той штуковины и свезли его в одно место. Но как мы туда попадём?

– Вылазка, – «обрадовал» я капитана. – Быстро приходим, быстро проверяем, прав я или нет – смотрим, что там на складах. И так же быстро уходим.

– Нет, ты точно звезданулся. – Карась покачал головой. – Гениальная идея. И как мы это провернём? Даже если сможем добраться до порта, дальше что? Постучим в ворота и вежливо

спросим: господа хорошие, а можно нам ваш склад проверить? Мы тут из советской контрразведки, интересуемся, что храните. И если несложно, покажите документки, которые имеются.

– Миша... – Я терпеливо продолжал пояснять капитану. – В ведомости указан не весь порт, а конкретный грузовой причал с пакгаузами.

– И что?

– А то, что это не узел обороны и не гарнизон. Это тыловое хозяйство. Портовые рабочие, охрана из нестроевых, комендант с двумя писарями. Оборона у немцев по берегу, вдоль реки. А причал стоит в стороне, за городской чертой. Мы пролезем в дырку между их позициями. Ночью. Переберёмся через Одер...

– Вплавь, видимо? – перебил меня Карасев.

– Не вплавь. – Я отрицательно покачал головой. – На лодке, тихо, в самом узком месте. Вдвоём не справимся, тут согласен. Нужны опытные проводники. Предлагаю попросить помощи у разведки.

– Херетки! – Карасев всё-таки не выдержал, взорвался. Вскочил на ноги и принялся мерить шагами комнату, – Да они и слушать не станут. Это первое. А второе – ты что, запямятовал? Разведка нам не подчиняется. Нас пошлют далеко и надолго. Они за реку ходят за языками, а не сопровождать двух больных на голову оперативников до склада прогуляться. Кто их заставит?

Мишка только произнес последнюю фразу, а мы уже оба поняли ответ. Зависли на мгновение, потом посмотрели друг на друга и хором выдали:

– Вадис!

Глава 5

Фрица мы решили отдать Ласточкину, как порядочные опера. Не то чтобы у нас был выбор, просто эта мысль больше не вызывала отторжения ни у меня, ни у Карася.

Логика простая. Во-первых, пленный ушёл в глухую молчанку и больше не скажет ни слова. Ни мне, ни товарищу Гниде, ни архангелу Гавриилу, если тот вдруг спустится с небес поинтересоваться судьбой немецкого оборудования. Пусть майор хоть на голове стоит, хоть танцы с бубнами исполняет – получит ровным счётом ничего. Я бы на это даже посмотрел, если честно. На то, как немец доведёт Ласточкина до белого каления. А что-то мне подсказывает – точно доведёт.

Во-вторых, и это главное – немец нам больше не нужен. У нас есть направление, точка на карте и понимание, какой именно груз искать. Всё, что этот тип мог дать, он уже дал. Причём совершенно бесплатно и абсолютно против своей воли.

Так что пусть Ласточкин забирает пленного. Оформляет, регистрирует, беседует. Нам не жалко.

Развязали немцу ноги, подняли, вывели в коридор. Зотова оставили в кабинете ковыряться в бумагах дальше. Вдруг ещё что-то нароет. Ему упорства и настойчивости не занимать. Чёртов терминатор.

Фриц топал вниз по ступеням с выражением полного принятия ситуации на лице. Он себя уже похоронил. Но перед спуском в подвал вдруг остановился, обернулся и посмотрел мне в глаза. Именно мне, не Карасю. Что-то пленного напрягало в моем равнодушии.

– Вас больше ничего не интересует, господин старший лейтенант? – спросил он.

– Иди уже, – подтолкнул его в спину Карасев. – Нашёл господинов.

Я вообще промолчал. И это обеспокоило фрица ещё больше. Пока спускались по ступенькам, он снова несколько раз оглянулся. Чуть не упал. Думаю, немец понял – мы что-то нарыли и нам реально больше не нужна его информация. Он как-то сразу загрустил. Видимо, уже не так верил в свою скорую смерть.

Подвал под физкультурным залом когда-то был школьной кладовой. Низкие кирпичные своды, бетонный пол, под самым потолком узкие окошки-продухи, забранные решёткой. Ни лампочки, ни отопления. Только керосинка на столе у входа да сквозняк, который тянет откуда-то снизу.

И никаких камер, само собой. Имелось только четыре кладовки с деревянными дверями, на которые повесили замки. В одной сидели наши четверо фрицев из вагона. Три остальные пустовали.

У входа в подвал, за школьным столом сидел дежурный. Сержант с обожжённой щекой, тот самый, что чуть больше часа назад принимал у нас пленных. Судя по всему, он тут и за начкара, и за писаря, и даже частично за коменданта – людей не хватает катастрофически, Ласточкин не соврал.

Увидев нас, отодвинул кружку со свежесваренным чаем, вскочил на ноги.

– Принимай, – Карась подтолкнул фрица вперёд.

Сержант молча уселся обратно, достал из ящика стола бланк, обмакнул перо в чернильницу.

– Основание? – по-деловому поинтересовался он у капитана.

Мишка протянул дежурному сложенный вдвое лист. Написал его ещё наверху. Рапорт о задержании, коротко, на полстраницы, с подписью и датой.

Дежурный прочёл, кивнул, подколол к своим бумагам.

– Фамилия, звание задержанного?

– Понятия не имею, – честно ответил Карась.

– В смысле? – Сержант оторвался от писанины и поднял голову.

– В прямом. Герр не пожелал представиться. Фиксируй как неуставленные.

– Товарищ капитан. – Дежурный вздохнул тяжело, драматично. – У меня журнал, документация. Мне перед товарищем комендантом отчитываться. Он спросит про «неуставленного», а я чего отвечу?

– Ответишь, что немец нам попался скромный, не хочет о себе рассказывать, – хохотнул Мишка.

Сержант посопел, но записал.

– Обыскать не забудь, – вмешался я. – Швы прощупай, подкладку, пояс. И каблуки посмотри.

Начкар глянул на меня с некоторым сомнением.

– Так ведь обыскивали уже, товарищ старший лейтенант. Когда вы всю их кодлу привели. Я рядом стоял.

– Ещё раз посмотри, – поддержал меня Карась.

Сержант снова вздохнул, но распоряжение выполнил. Затем повёл фрица к свободной кладовке.

Уже у самой «камеры» пленный обернулся ещё раз. Смотрел на меня секунды три. С таким выражением, будто хотел что-то сказать. Но в итоге не сказал, молча переступил порог.

Мы с Мишкой вышли из подвала и двинули наверх. Не успели подняться, как перед нами материализовался Ласточкин. Майор шёл быстро, почти бежал, и физиономия у него была крайне озадаченная.

– Товарищ капитан! – Он остановился на ступеньку выше. Нарочно, чтобы смотреть на Караса сверху вниз. – А я вас как раз ищу.

– Нашли. Вот он я! – радостно сообщил напарник.

– Задержанный где? – Товарищ Гнида сразу попёр в наступление. – Зашёл в кабинет, вас там нет. Только этот ваш... – он поморщился, пожевал губами, – лейтенант придуркошный сидит. Я случайно наступил на какую-то кучу бумаги, так он шипеть на меня вздумал!

– Надеюсь, уважительно шипел? – проникновенно спросил Карась. – Если без уважения, не по уставу, так вы скажите, мы его накажем.

– Капитан, хватит юродствовать! – психанул Ласточкин. – Ещё раз спрашиваю, где фриц? В камере его нет. И вас нигде нет.

– Так вон он, в подвале. – Физиономия у Карасева была такая серьёзная, что сразу становилось понятно – издевается. – Только что сдали. По всей форме, с описью, как вы и распорядились.

Майор прищурился.

– Только что?

– Так точно!

– Товарищ капитан. – Ласточкин выдержал паузу, а потом заговорил медленно, с расстановкой, будто с ребёнком. – Я к вам заходил час назад. Час. За это время можно было трижды сдать вашего немца и трижды забрать обратно. Чем вы занимались?

Мишка сделал ещё более серьёзное лицо, какого я у него отродясь не видел. Даже у начальства в кабинете он таких физиономий не строил.

– Список составляли, товарищ майор, – отчеканил напарник.

Ласточкин моргнул и осторожно спросил:

– Какой список?

– Списочек всего необходимого для комфортного пребывания задержанного. – Карась развёл руками. – Вы же сами беспокоились. Медицинская помощь, питание, условия содержания. Не дай бог, говорите, помрёт задержанный без ухода. Кто отвечать будет? Ну мы и подумали – а чего майору голову ломать. Сами всё пропишем, по пунктам. Чтоб вам работы меньше.

Я стоял рядом и очень старался не заржать. Мишка глумился над майором вдохновенно, с душой, и главное – не подкопаешься. Формально он всего лишь возвращал товарищу Гниде его же собственные слова.

Ласточкин это прекрасно понял, но не оценил. Правая щека у него дёрнулась.

– И где же список? – спросил он елеинным голосом.

– А нету, – печально вздохнул Карась.

– То есть как – нету?

– Да фриц, сука, сожрал.

Секунд пять, если не больше, майор молчал и пялился на Мишку. Думаю, мысленно желал ему сдохнуть в мучительных корчах.

– Что сделал? – переспросил он наконец.

– Сожрал, – с искренним огорчением повторил Карасев. – Мы бумажку на пол положили, отвернулись на секунду, а он цап её – и в рот. Прожевал и проглотил. Немцы, они такие, товарищ майор. Видят бумагу – сразу уничтожают. Инстинкт.

Ласточкин снова замолчал. Он на сто процентов был уверен, что Карась издевается, но обвинить его в этом не мог. Потребовать мифический список нельзя – списка нет. Написать в рапорте, что капитан Карасев врал, будто составил список требований фрица, – тоже как-то не очень. Потому как Мишка в свою очередь ответит, что действовал согласно приказу майора Ласточкина. Замкнутый круг.

– Капитан, – процедил наконец товарищ Гнида. – Вы отдаёте себе отчёт, с кем разговариваете?

– Так точно, товарищ майор. С начальником отдела контрразведки дивизии.

– И вы считаете такой тон допустимым?

– Какой тон? – Мишка искренне удивился. – Обычный тон. Докладываю по существу вопроса. Задержанный сдан, оформлен, находится в подвале.

Ласточкин глубоко вдохнул через нос.

Я почти услышал, как у него в голове щёлкают шарики и ролики. Прокручивают всю ситуацию заново, чтобы найти, что можно предъявить Карасеву. По факту выходило – ничего.

– Хорошо, – сказал он. – Продолжим этот разговор позже.

– Как скажете, – согласился капитан. – Только у меня к вам просьба, товарищ майор.

– Слушаю.

– Мне нужна связь с Управлением контрразведки фронта. Прямо сейчас.

Вот тут Ласточкин напрягся по-настоящему.

– Связь?

– Связь. С генерал-лейтенантом Вадисом. – Карась смотрел на майора спокойно, без малейшего вызова. – Проводите нас на узел, пожалуйста. Обеспечение связи с вышестоящим Управлением входит в круг ваших обязанностей.

Секунды три майор соображал, есть ли повод отказать. Повода не было. Лишить связи фронтową опергруппу – это уже не бюрократия, а статья.

– Хорошо, – произнёс он наконец. – Провожу. Только я буду присутствовать при разговоре.

– Да ради бога, – пожал плечами Мишка.

Ласточкин ждал возражений и явно к ним готовился. Не дождался. Постоял секунду, потом резко развернулся и пошёл по коридору первого этажа в сторону связистов.

Мишка глянул на меня, усмехнулся, подмигнул правым глазом. Я показал ему поднятый вверх большой палец. Потом мы оба рванули вслед за майором.

Узел связи развернули в самом конце коридора. В тесной комнате было так накурено, что лошадь, окажись она здесь, сразу сдохла бы от той самой капли никотина. За стеной ровно гудел движок, на столах стояли два полевых аппарата и коммутатор. У коммутатора сидел сер-

жант-связист с воспалёнными глазами. Вид у него был такой, будто он не спал с самого форсирования.

– Управление контрразведки фронта, – велел Ласточкин. – Генерал-лейтенанта Вадиса. Через дивизию.

Сержант посмотрел на майора, потом на нас, потом снова на майора.

– Товарищ майор, там через три коммутатора идти. Минут пятнадцать, не меньше. Если линию не порвёт.

– Значит, подождём. Работай, – велел товарищ Гнида.

В итоге ждали все двадцать. Сержант крутил ручку, орал в трубку, ругался с промежуточными станциями, выкрикивал позывные. Ласточкин всё это время стоял у стены, сцепив руки за спиной, и смотрел на нас в упор. Не мигая.

А я от нечего делать начал прокручивать в голове то, что мы с Мишкой решили в кабинете.

Расклад был такой. Просить у Вадиса помощь с разведкой ради портовой конторы с бумажками – гиблое дело. Генерал-лейтенант идиотизмом не страдает, за реку людей из-за накладных не пошлёт.

Но совсем другое дело, если мы скажем два заветных слова – сеть Пророка.

Вадис в курсе всей истории. Он знает про Воронова, про Мельникова, про Борисова. Он знает, чем закончилась Одесса. И он единственный на данном отрезке фронта человек, для которого эти два слова – не абстракция, а конкретное дело, за которое с него уже спрашивали в Москве.

Скажем ему «медицинское оборудование» – пойдём на хрен. Скажем «Пророк» – получим всё, что попросим.

Циничненько. Зато работает.

Тут был ещё один немаловажный момент. То, что меня перевели под начало Вадиса, – не случайность. Но в то же время прямых указаний копать под генерал-лейтенанта я пока не получал. Последний приказ – работайте, товарищ Соколов. Значит, Судоплатов считает, я сам разберусь на месте. В том плане, что если есть какое-то дерьмо, оно мимо меня точно не пройдёт. Мне теперь самому интересно, как Москва связала генерал-лейтенанта с чертежами? Неужели есть причины?

А самое забавное, что сейчас мы, как по заказу, получили возможный сед «Колокола». И вот как себя поведет Вадис?

Осталось дело за малым – правильно подать информацию. Линия обычная, через три коммутатора, и на каждом сидит телефонистка с наушниками. Плюс товарищ Гнида в двух шагах, весь превратился в одно большое ухо. Немцы, опять же. К незащищённой линии они могут подключиться. То есть никаких фамилий, никаких названий и уж тем более никаких подробностей нашего плана звучать не должно.

Придётся Карасю изворачиваться и сообщить нужные сведения Вадису так, чтобы больше никто ни черта не понял. Впрочем, изворачиваться – это как раз то, что Мишка умеет лучше всего.

– Есть связь! – рявкнул наконец сержант. – Дежурный по Управлению.

Карась взял трубку.

– Дежурный, капитан Карасев, третья оперативная. Доложите товарищу первому: требуется срочная связь по вопросу сегодняшнего мероприятия. Так точно, жду.

Мишка прикрыл мембрану ладонью и негромко пояснил:

– Пошёл докладывать.

Ждали ещё минуты три.

Я, честно говоря, немного сомневался в нашей затее чисто технически. Вадис – генерал-лейтенант, начальник Управления фронта. У него совещания, доклады в Москву, вся

Померанская операция на плечах. Возьмёт ли он трубку по вызову капитана – вопрос открытый. Будет ли он вообще на месте – тоже неизвестно.

В трубке что-то затрещало, послышался низкий басовитый голос.

Мишка мгновенно вытянулся так, будто генерал стоял перед ним лично.

– Товарищ первый, капитан Карасев. Здравия желаю.

Ласточкин у стены заметно подобрался.

– Так точно, – продолжал капитан. – Всё выполнено. Бабушкины письма находятся у соседей на оформлении... Никак нет, объём большой, разобрали выборочно... Так точно.

Пауза.

– Товарищ первый, разрешите доложить по существу.

Мишка на секунду замолчал, подбирая слова. Начиналось самое сложное.

– Помните, в июне сорок третьего у нас три родственника потерялись. Неожиданно. Двое померли, а третий уехал. – Карась говорил медленно, с расстановкой. – И вещи с собой чужие увёз. Мы потом только у моря его нашли.

В трубке снова громко затрещало, забубнил знакомый бас.

– Так точно. Именно та история, – отчеканил Мишка. – Тут кое-какие вещички из пропавших обнаружили. Установлен пункт, куда наш третий родственник мог передать наследство первого. Пункт находится на противоположной стороне от нас.

Пауза. Потом снова треск и бубнёж.

– Так точно, понимаю. – Мишка вытянулся ещё сильнее. – Прошу разрешения наведаться туда и забрать наследство. Требуется помощь соседей. Тех, что в охоте хорошо разбираются. Трое от них, двое от нас. Время нахождения – до восьми часов. В лесу будем вести себя хорошо, никакого шума.

Тишина. Потом опять бас.

– Никак нет, – настойчиво ответил капитан, – Если ждать официального билета на поезд, уйдёт неделя, все зверье разбежится.

Снова пауза. Мишка слушал. Секунд двадцать слушал, не перебивая, и с каждой секундой лицо у него становилось всё более довольным.

– Есть. Так точно, понял. По исполнению доложу лично.

Капитан вдруг резко повернулся и посмотрел на Ласточкина, а потом рывкнул в трубку:

– Товарищ первый, разрешите уточнить. Вопросы взаимодействия с соседями не укладываются в рамки моей компетенции, а согласование по линии соединения потребует времени. Главный сосед находится здесь, рядом со мной. Разрешите передать ему трубку для получения указаний?

Пауза.

– Есть! – браво гаркнул Мишка, а затем с невинным лицом протянул трубку Ласточкину. – Товарищ майор. Вас.

У Ласточкина сделалось такое лицо, будто ему протянули не трубку, а гадюку. Он взял её двумя пальцами, поднёс к уху.

– Майор Ласточкин, здравия желаю...

Дальше майор молча слушал. Я, конечно, ни слова не разобрал. Зато прекрасно видел, как у товарища Гниды меняется физиономия.

Сначала он попытался что-то вставить.

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите доложить...

Трубка заорала басом так громко, что даже сержант-связист отодвинулся в сторону. На всякий случай.

– Так точно, – грустно согласился Ласточкин.

Пауза.

– Так точно, обеспечу, – снова повторил он.

Пауза подлиннее.

– Товарищ генер...мм...Товарищ первый, но взаимодействие с... – Он осёкся, зыркнул в Мишкину сторону. – С охотниками требует согласования...

Вот тут Вадис орать не стал. Бас, наоборот, зазвучал тише. Но Ласточкин при этом резко побледнел.

– Есть согласовать лично, – ответил майор. – Есть обеспечить. Так точно, доложу по исполнении. Никак нет, возражений не имею. Так точно. Всё понял. Здравия желаю.

Товарищ Гнида медленно опустил трубку на рычаг.

Постоял секунду, глядя в стену, потом развернулся к нам.

– Товарищ капитан. Мне приказано оказать вашей группе всю необходимую помощь. Включая вопросы взаимодействия с разведподразделением дивизии.

– Прекрасно, – кивнул Мишка. – Спасибо, товарищ майор. Когда сможем встретиться с командиром разведки?

– Через полчаса. Я договорюсь.

– Вот и славно.

Майор двинулся к двери. У порога остановился.

– Капитан, – позвал он Карасева.

– Да?

– Если вы там сгинете, – тихо произнёс Ласточкин, – я, конечно, огорчусь. Но не сильно.

– Понимаю вас, товарищ майор, – совершенно искренне ответил Мишка. – Я бы на вашем месте тоже не сильно огорчился.

Ласточкин развернулся и покинул узел связи. Мы двинулись следом.

Вышли из школы, остановились на крыльце.

Двор жил обычной суетой. У ограды по-прежнему сидели немцы на узлах, только теперь их стало вдвое меньше – видимо, часть куда-то увели. Двое бойцов таскали в комендатуру ящики. Где-то за углом одинокая полуторка надрывно буксовала в раскисшей глине.

Мишка достал папиросу, прикурил, глубоко затянулся.

– Ну что, старлей. Полчаса у нас есть. Знаешь, чего больше всего боюсь? – Он выпустил дым в серое небо. – Не немцев. А того, что нам сейчас достанется какой-нибудь разведчик, который будет ровно как Ласточкин, только с ножом за голенищем.

– Не достанется.

– С чего вдруг такая уверенность?

– Фронтовые разведчики, Миша, люди простые. Они из-за спины не бьют. Если что не так, сразу посылают

Карась хмыкнул.

– Твоими бы устами, старлей...

Полуторка за углом наконец выбралась из глины, взревела мотором и вкатилась во двор. Пятнистая, грязная по самые борта, с забрызганным лобовым стеклом. Судя по виду, ехала она издалека.

Машина развернулась, встала метрах в десяти от крыльца. Хлопнула дверца кабины. Водитель выбрался наружу, потянулся, поскрёб небритую щеку.

А потом откинулся брезент кузова и через борт, не дожидаясь, пока опустят задок, перемахнула мужская фигура. Приземлилась в грязь обеими сапогами, покачнулась, выпрямилась. Одёрнула шинель. Поправила фуражку.

Я как раз собрался что-то сказать Мишке, но в один момент забыл, что именно. Так и застыл с открытым ртом. Карась медленно вынул изо рта папиросу и смачно выматерился.

Возле полуторки стоял Митя Светлов собственной персоной. Лейтенант, который не лейтенант. Комсомолец с чистым взглядом, который совсем не комсомолец.

Он увидел нас сразу и его физиономия расплылась счастливой улыбкой.

– Товарищи командиры! – радостно заорал Светлов, – А я к вам!

Глава 6

– Ну нет... нет... Соколов, скажи, что мне это мерещится. Христом богом прошу. Скажи, что этого фраера здесь нет... – тихо попросил Карасев. Он сам не заметил, как перешел на приклатненную речь. Похоже, напарник в шоке.

При этом смотрел Мишка исключительно на Светлова, и лицо у капитана было такое, будто его сейчас стошнит прямо на крыльцо комендатуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.